

В. А. Могильников

ФОРМИРОВАНИЕ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ТЮМЕНСКОГО ОБЬ-ИРТЫШЬЯ

Рост национального самосознания народов России обусловил развитие у них повышенного интереса к изучению собственной истории и культуры, выяснению истоков и ранних этапов формирования народов. В полной мере это относится к коренному населению Тюменского региона, включающего лесное и частично лесостепное Зауралье, Нижнее Приобье и Прииртышье с Притобольем, Среднее, Сургутское Приобье, междуречье Оби и Таза, входящих сейчас в территорию Тюменской области. Коренными народами того или иного региона являются те народы, которые сформировались на территории этого региона, имеют здесь свои исторические корни. Такими народами в Тюменском Обь-Иртышье являются обские угры - ханты и манси, самодийцы - ненцы, энцы, селькупы, на Таймыре - нганасаны. В южнотаежной подзоне и лесостепи это тюркоязычные народы - различные группы сибирских татар, а в пограничье с Казахстаном - казахи. Коми в Приобье являются пришлым народом. Они сформировались, как народ, в лесном Приуралье, в Вычегодском крае и в верхнем Прикамье, в пределах современных республик Коми и севера Пермской области. Обские угры, самодийцы и коми имеют общие древние истоки генезиса и относятся лингвистами к народам уральской языковой семьи. Сибирские татары, казахи и другие тюркоязычные народы относятся к тюркской или алтайской семье языков. Народы Уральской языковой семьи, обские угры и самодийцы, являются наиболее древними в рассматриваемом регионе, истоки формирования которых в Обь-Иртышье уходят в глубокую древность, в эпоху неолита, и, по-видимому, даже мезолита, где у них были общие генетические корни. Тюркоязычные народы, предки современных сибирских татар по языку, появились в лесостепи Западной Сибири в основном в середине-второй половине I тысячелетия н. э. В ходе взаимодействия пришлого тюркоязычного этноса и местного угорского субстрата сформировались уже в первой половине II тыс. сибирские татары.

Изучение развития процессов этногенеза является предметом исследования комплекса наук - археологии, этнографии, антропологии, лингвистики. При этом ранние этапы генезиса изучаются в основном на базе археологических источников, на которые проецируются и с которыми коррелируются данные лингвистики. На основании этнографического материала изучаются процессы, происходившие порой несколько веков назад, но стоящие ближе к современности, с которыми могут быть увязаны явления традиционной культуры народа, как материальной, так и духовной - сказания, былины, религиозные представления и т.д. Роль данных антропологии, науки о физическом строении человека, в исследовании процессов этногенеза конкретного народа зависит от степени представительности антропологического материала. Обычно антропологические остатки лучше представлены для более поздних исторических периодов в силу общего увеличения численности населения и лучшей сохранности костных остатков. Вследствие этого для этих периодов выше информативность антропологического материала. Применительно к Западной Сибири антропологические находки ранних эпох, в частности каменного века, единичны, и выводы, которые могут на их основании строиться, носят самый общий, хотя и очень важный характер.

Истоки формирования этнических компонентов и культуры народов уральской языковой семьи восходят к периоду первоначального заселения Западной Сибири

человеком. Западно-Сибирская равнина начала заселяться людьми сравнительно поздно, 18 - 16 тыс. лет назад, что соответствует заключительным этапам верхнего палеолита. К этой эпохе относятся ряд стоянок, выявленных в юго-западной и южной частях Западно-Сибирской равнины. Это - Черноозерье II - в среднем Прииртышье в Саргатском районе Омской области, Венгерovo 5, Новотартасская, Волчья Грива в Барабинской лесостепи в Новосибирской области, Могочино - на средней Оби и Томская - в Томской области, Шикаевка 2 на правом берегу среднего Приоболья на севере Курганской области, Гари - на Южной Сосьве, в Гаринском районе Свердловской области [Петрин 1986: 18 - 20]. На севере Западной Сибири, в Тюменском Приобье, памятников эпохи палеолита не обнаружено. Однако, такие стоянки как Шикаевка и Гари расположены близ границы с Тюменской областью, и вероятно в дальнейшем позднепалеолитические стоянки будут обнаружены в Нижнем Прииртышье. В пользу этого говорят местонахождения костей мамонта (Уват и др.), обнаруженные в Нижнем Прииртышье и Приобье. Двигаясь вслед за стадами мамонтов, первобытные охотники осваивали все более северные районы Западной Сибири. Свидетельством присутствия человека эпохи палеолита в Сургутском Приобье, очевидно, является находка на Барсовой Горе в Сургуте плечевой кости шерстистого носорога со следами резания по свежей кости [Косинцев 1994: 89], что могло быть сделано охотником того времени. И все же необходимо отметить, что малочисленность стоянок эпохи палеолита в Западной Сибири, их поздний возраст, а также то, что они являлись преимущественно временными, сезонными стойбищами охотников или местами разделки туш мамонтов, было обусловлено малой пригодностью для обитания человека Западно-Сибирской равнины, особенно ее севера для обитания человека в период палеолита. По мнению геологов, в ледниковый период, частично совпадающий с эпохой палеолита, территория Нижнего Обь-Иртышья была покрыта пресноводным озером-морем, образовавшимся вследствие подпруживания ледником с севера стока рек Оби и Иртыша. Выявленные к настоящему времени вышеперечисленные стоянки верхнего палеолита Западной Сибири расположены как бы по периферии, на берегах этого озера-морья, в некотором удалении от него [Петрин 1986: 18 - 20]. С таянием и отступлением ледника постепенно исчезло и это озеро-море, формировался современный сток Оби с Иртышом, вдоль долин которых двигались к северу четвертичные животные - мамонт, первобытный бык, лошадь, северный олень и др., охотясь на которых мог продвигаться к северу и человек. Второй причиной, ограничивавшей возможности освоения человеком Западной Сибири, было отсутствие здесь подходящих видов камня для изготовления каменных орудий. Правда, это обстоятельство было частично преодолено заменой некоторых каменных орудий из дерева и кости. Особенно это видно на инвентаре стоянки Волчья Грива, где много орудий из кости. Это различные острия и подобия наконечников копий из расколотых и заостренных ребер мамонта и другие костяные предметы [Окладников, Молодин 1983: 103 - 104]. Третьим неблагоприятным фактором в первоначальном освоении человеком Западной Сибири был ее равнинный рельеф, затруднявший проведение облавной охоты на крупных животных - мамонта, дикого бизона, дикую лошадь и др. Именно такая охота обеспечивала возможность существования крупных палеолитических поселков типа Мальты, Бурети - на Ангаре, многочисленных стоянок на Алтае и в Предгорьях Саяна на Енисее и др. Все они расположены в местах с пересеченным рельефом, обеспечивающим возможности организации и успех облавных охот. В силу указанных причин все известные западносибирские палеолитические стоянки являлись временными краткосрочными или сезонными стойбищами охотников.

Формы каменных орудий и породы камня, из которых они изготовлены, указывают на то, что продвижение человека в эпоху верхнего палеолита в Западную Сибирь шло с трех сторон. Среднее Прииртышье, Приишимье и Обь-Иртышское междуречье, Бараба, видимо, заселялись в основном с юга, с территории Казахстана. Об этом свидетельствует материал поселений Черноозерья II, Венгерovo 5, Новотартасского и Волчьей Гривы, имеющей сходство с комплексами поселений Северного Казахстана. Отсюда население

мигрировало на север. Этим, очевидно, объясняется прослеживаемый исследователями отток населения из Северного Казахстана в эпоху верхнего палеолита. Притоболье заселялось с юго-запада и запада со стороны восточных склонов Урала. Инвентарь стоянок Гари и Шикаевка 2 изготовлен из уральских пород камня и сопоставляется с инвентарем позднепалеолитических стоянок Урала, что говорит о восточноуральском происхождении обитателей названных поселений. В отличие от этого Среднее Приобье и Притомье заселялись с юго-востока по Чулыму, со стороны среднего Енисея. На это указывает сходство инвентаря стоянок афонтовской культуры этого региона с материалом со стоянки Могочино 1 на Оби [Петрин 1986: 18 - 20]. В целом же инвентарь палеонтологических стоянок Западной Сибири своеобразен, что обусловлено длительным изолированным проживанием и адаптацией к конкретным условиям географической среды данного региона. Основу инвентаря составляли комбинированные орудия из дерева и кости с кремневыми вкладышами из мелких ножевидных пластин на рабочей части. Представлены также неретушированные угловые резцы для обработки кости, одноплощадочные торцевые нуклеусы на гальках из местного речного аллювия и клиновидные нуклеусы. В целом типична микролитическая техника, характеризующая составными орудиями с основой из кости или дерева, режущий край которых состоит из укрепленных в пазу основы мелких кремневых ножевидных пластин.

На основе культуры местного палеолита с участием пришлого с юга населения развивается культура мезолита Западной Сибири, которая также имеет микролитический облик. В Западной Сибири она охватывает период X - VI - начало V тысячелетий до н. э. Климат, растительность и животный мир в эпоху становления близкими к современным, а немногочисленные еще в тот период человеческие коллективы вдоль Оби расселяются до тундры. Наиболее плотно были освоены южные районы, в зоне современной лесостепи и южной подзоны тайги. В среднем Притоболье, Пришимье, Прииртышье, на Алтае и в Кузбассе находится большинство известных сейчас мезолитических поселений. Много мезолитических стоянок выявлено и исследовано также на восточных склонах Среднего и Южного Урала [Старков 1980: 21 - 36; Старков, Сериков 1989: 136 - 143; Косарев 1991: карта № 1]. Нижнее Приобье в мезолите было слабо заселено. Стоянки в основном единичны или расположены небольшими скоплениями в местах, удобных для охоты и рыболовства. Главным образом это первые надпойменные террасы вдоль рек и проточных озер, а также их останцы в поймах. Группы мезолитических стоянок открыты на Конде, на Леушинском и Сатыгинском туманах, около пос. Ягодный на Андреевском озере близ Тюмени, вблизи озер Мергень под Ишимом, в Октябрьском районе в Нижнем Приобье. Самая северная мезолитическая стоянка Корчаги 1 расположена на правом берегу Оби около Салехарда. Большая плотность заселения южных районов объясняется двумя обстоятельствами. Первое - это в целом более раннее освоение человеком лесостепи, еще в период верхнего палеолита, когда север еще не был заселен. Второе - это приток в эпоху мезолита на Южный Урал и в лесостепные и южнотаежные районы Тоболо-Иртышья населения с юга, из соседних степей Приаралья и Прикаспия. Там в это время сложилась неблагоприятная обстановка для обитания. Происходит увеличение сухости климата и связанные с ним усыхание степей, понижение уровней Арала и Каспия, обмеление, засоление и пересыхание части степных водоемов, ручьев и рек. Степь превращалась в полупустыню, что вело к сокращению производительности пастбищ, уменьшению количества диких животных в степи и рыбы в озерах. Это сокращало возможности занятия охотой и рыболовством и толкало человека к переселению в более благоприятные для промысла районы. Ими являлись в то время лесостепь и южнотаежная зона Зауралья и Западной Сибири, откуда миграция направлялась уже далее на север. При этом происходило смешение пришлого и местного населения и, как следствие этого, нивелировка облика культуры на обширных пространствах Западной Сибири и прилежащих с юга районов Казахстана, включая Приаралье. При этом существовали связи с населением Среднего и Южного Урала. Каменные орудия на мезолитических стоянках Тоболо-Иртышья

изготовлены в основном из кремнистого сланца и яшмы уральского происхождения. В инвентаре преобладали вкладышевые орудия, ножи, наконечники копий и др. с рабочим краем, составленным из мелких ножевидных пластин. Характерны пластины с боковыми и торцовыми выемками, использовавшимися для обработки древков стрел и скобления кости при изготовлении костяных наконечников стрел, проколов и других орудий. Широко представлены также скребки на концах ножевидных пластин, скошенные острия из ножевидных пластин, служившие сверлами, нуклеусы клиновидные и торцовые на гальках. Нехарактерны вкладыши в виде геометрических микролитов, сегментов и трапеций, наконечники стрел из ножевидных пластин и макролиты, крупные орудия, изготовленные из камня методом двусторонней обработки [Старков 1980: 34 - 36; Старков, Сериков 1989: 141 - 142]. Жилищами служили небольшие прямоугольные полуземлянки. Остатки таких построек, располагавшихся у края речной террасы, исследованы на мезолитических стоянках по р. Конде (раскопки Е. М. Беспрозванного). Основным занятием населения была охота в основном с целью получения мяса. Среди объектов промысла важное значение имели лось и косуля. Подсобную роль играли рыболовство и собирательство, причем удельный вес рыболовства постепенно увеличивался, с чем связана приуроченность поселений к берегам рек и озер в наиболее удобных для ловли рыбы местах.

С миграциями населения с юга, из Прикаспия и Приуралья, на Урал и юг Западной Сибири, и со смешением пришельцев с местными аборигенами в эпохи мезолита и последующего неолита исследователи, вслед за В. Н. Чернецовым [1968: 41 - 53; 1969: 112 - 119], связывают формирование предков народов уральской языковой семьи и последующие расселение их на запад от Урала до Финляндии и на восток - до Енисея. Процесс этот был длительным и продолжался несколько тысячелетий, в течении которых происходили неоднократные перемещения и смешения на огромном пространстве Урало-Западно-Сибирского региона. При этом было не менее трех волн миграций южных пришельцев [Матюшин 1985; Косарев 1991: 13]. Детали развития этого процесса еще требуют выяснения. В эпоху развитого и позднего неолита, в конце V - начале III тыс. до н. э., уральская общность распадается с выделением из нее этнокультурных пластов, связанных с протоуграми и протосамодийцами - в Западной Сибири, протофино-уграми - в Приуралье и лесной полосе Восточной Европы до Финляндии. Еще ранее, в конце VI - V тыс. до н. э. из этнических компонентов, сформировавших уральскую общность, на востоке ее, выделились протоюкагиры. Их многочисленные потомки живут сейчас в Восточной Сибири среди якутов и эвенков.

Ранний неолит восточного Зауралья, лесного и лесостепного Обь-Иртышья (V - начало IV тыс. до н. э.) формируется на основе местного мезолита при продолжавшемся притоке нового населения с юга, юго-запада, а, возможно, и с запада. О местных корнях свидетельствует микролитовидный облик кремневого инвентаря и присутствие ряда форм орудий, унаследованных от местного мезолита. На приток населения с юга указывают облик керамики с линейно-накольчатой орнаментацией и некоторые формы каменных орудий, типа наконечников стрел с выемкой в основании, имеющие аналогии в материале стоянок кельтиминарской культуры Приаралья [Чернецов 1968: 47, 48, рис. 3]. Помимо Приаралья, шел приток населения из районов Южного Урала, которому была присуща глиняная посуда с орнаментацией оттисками гребенчатого штампа. Взаимосмещения с аборигенным этническим субстратом и дальнейшая эволюция приводят в эпоху позднего неолита (конец IV - начало III тыс. до н. э.) к возобладанию этноса с гребенчатой орнаментацией посуды в Восточном Зауралье и прилежащих районах Нижнего Обь-Иртышья, который связывается с протоуграми. В отличие от этого в лесостепном и таежном Ишимо-Иртышье, включая самые северные районы Казахстана, оформляется этнокультурная группа, представленная памятниками екатерининской и родственных ей культур позднего неолита и энеолита, для которых присуща глиняная посуда, украшенная чередующимися отпечатками гребенчатого штампа и рядов ямок, с так называемой гребенчато-ямочной орнаментацией [Косарев 1991: 15; Петров 1986: 5 и сл.; Чалая 1972:

165 - 181]. Этот регион ассоциируется с расселением протосамодийцев, а связанная с самодийцами гребенчато-ямочная орнаментация на посуде доживает в Среднем Нарымском Приобье до XVII в. [Дульзон 1956: Табл. XIV,4,6]. Однако, вопрос об истоках формирования протосамодийцев является дискуссионным. Ряд исследователей на основании данных лингвистики, в частности, заключения, что самодийские топонимы в Восточной Европе древнее западно-сибирских, пришли к выводу, что протосамодийцы выделились из уральской общности в лесной зоне Восточной Европы и только уже затем мигрировали в Западную Сибирь [Бубрих 1948; Дульзон 1961: 63; Беккер 1970]. Эту концепцию склонны разделять некоторые археологи и этнографы (Косарев М. Ф., Головнев А. В.), основываясь на сходстве протосамодийской гребенчато-ямочной керамики Западной Сибири и неолитической ямочно-гребенчатой керамики Восточной Европы [Косарев 1991: 15 - 18; Головнев, Зайцев 1992]. Это сходство они объясняют миграцией носителей ямочно-гребенчатой керамики из Восточной Европы в Западную Сибирь, что привело в последней этнокультурной протосамодийской группы с гребенчато-ямочной керамикой. Однако, эта гипотеза пока остается слабо аргументированной ввиду отсутствия связующих звеньев между культурами с названными типами керамики Восточной Европы и Сибири. Не согласуются с ней также наличие древних контактов между протосамодийцами и протоюкагирами [Хомич 1976: 134; Симченко 1976: 26, 31, 32, 39, 55, 56], что свидетельствует о том, что ареал формирования и обитания протосамодийцев находился к востоку от ареала протоугров, занимая территорию Обь-Иртышья между протоуграми и протоюкагирами. Впрочем, последнее заключение не исключает возможности переселения в эпоху энеолита, в III тыс. до н. э., какой-то группы населения с ямочно-гребенчатой керамикой в Западную Сибирь. С такими мигрантами может быть связана группа памятников андреевской культуры с ямочно-гребенчатой керамикой конца III - начала II тыс. до н. э. в Тюменском Притоболье [Ковалева, Чаиркина 1991: 64 - 67]. Их проникновение могло способствовать формированию протосамодийского комплекса культуры с гребенчато-ямочной керамикой в Ишимо-Иртышском регионе на основе древнего уральского этнического пласта.

В эпоху развитой бронзы, в XVII - XIII вв. до н. э., ареал самодийцев из лесостепного и южнотаежного Прииртышья и Приишимья сместился к северу и северо-востоку в Среднее Приморье, где достигал р. Вах, а в XIII - XI вв. захватил Нижнее Приобье вплоть до южной части полуострова Ямал, бассейнов рек Пур и Таз. Постепенное распространение самодийцев к северу, на Южное Приобье привело к оттеснению отсюда к западу и к югу, в лесостепное Притоболье, протоугров, в связи с чем в Нижнем Приобье прекратила существование связываемая с одной из их угорских групп сартыньинская культура [Васильев 1989: 14 - 20]. В целом угорский ареал во второй, третьей четвертях II тыс. до н. э. локализовался в основном от Урала до Притоболья и Нижнего Обь-Иртышья. К югу от ареалов угров и самодийцев в лесостепи Тоболо-Иртышья и прилегающей к ней кромке южнотаежной зоны располагались культуры с отступающе-накольчатой и гребенчатой орнаментацией керамики (ташковская, кротовская, вишневская), этническая привязка которых дискуссионна и которые некоторыми авторами связываются с народами, генетически близкими предками енисейских кетов [Косарев 1991: 20]. В пользу этого говорит наличие на данной территории кетских топонимов, прослеживаемых А. П. Дульзоном [Дульзон 1959].

В эпоху поздней бронзы, в XIII - IX вв. до н. э., ареал культур, сопоставляемых с уграми, в южной части значительно смещается на восток и занимает лесостепь и южнотаежную подзону Зауралья, Притоболья, Приишимья и Прииртышья (культуры черкаскульская, межовская, пахомовская, сузгунская, возможно, андроновская федоровская), перекрывая частично в лесостепи ареал протокетов. Т.о. сложившийся в эпоху поздней бронзы ареал протоугров в основном предвосхищал территорию их расселения в эпоху раннего железа VII - VI вв. до н. э. - III - IV вв. н. э. В тот же период конца эпохи бронзы ареал протосамодийцев достигает максимальных пределов,

протянувшись в Приобье от южного Ямала до предгорий Алтая на юге. В IX - VIII вв. н. э. часть самодийцев Нижнего Приобья, характеризующихся памятниками хэяхинской и алтымской культур [Косарев 1987: 295, 296; Васильев 1982: 7 - 14; Лашук, Хлобыстин 1986: 46 - 49], мигрировала на юг преимущественно в южнотаежную и, отчасти, лесостепную зоны Прииртышья и Пришимья, в небольшой мере - в верхнее Приобье, где смешиваясь с местным населением, оставили памятники красноозерской и завьяловской культур, а на Урале гамаюнской культуры [Абрамова, Стефанов 1985: 103 - 130; Троицкая 1968: 99 - 104; Борзунов 1992]. В лесостепи они занимали преимущественно лесные массивы, соответствующие их культурно-хозяйственным типам с занятием, как в тайге, главным образом охотой и рыболовством. Впоследствии, в VII - VI вв. до н. э. северные пришельцы, живущие местами первоначально изолированно, постепенно смешались с местным населением лесостепи и южнотаежной подзоны, представленными по преимуществу южными группами угров и самодийцев.

В эпоху раннего железа в лесной полосе Нижнего Обь-Иртышья и Среднего Приобья выделяются два крупных этнокультурных массива. Это усть-полуйская общность культур, занимавшая нижнее Обь-Иртышье с бассейнами Конды и Туры, а на западе - Печорское Приуралье и частично - левобережье Верхнего Прикамья, которая сопоставляется в основном с предками обских угров, хантов и манси. В среднем Приобье локализовалось ядро кулайской общности, которая в основном связывается с предками самодийцев. Она распространялась также на Пур и Таз. В междуречьи Оби и Таза, а также в Сургутском Приобье находилась зона контакта угров и самодийцев. При этом с III - II вв. до н. э. по - III - IV вв. н. э. самодийский компонент в этой зоне был, видимо, преобладающим. В III - II или, возможно, даже в IV - III вв. до н. э. отдельные группы самодийцев проникают на Конду (городище Старый Каташ, Чилимка и др. [Расторопов 1985: 238; Глушков 1994: 28], а во II - I вв. до н. э. миграции на север вплоть до Нижнего Приобья. Следы его пребывания на севере Нижнего Приобья, в низовьях р. Таз констатируются на ряде поселений присутствием глиняной посуды, орнаментированной штампом в виде схематической фигурки утки, представленной среди находок с городища Усть-Полуйского в Салехарде, Няксимволь на С. Сосьве и ряда других памятников [Мошинская 1965: рис. 11а, табл. 21, 1, 6, 8, 14]. По-видимому, эти самодийские мигранты составили северный компонент этногенеза ненцев и, возможно, явились основой формирования групп лесных ненцев и энцев в междуречья Оби и Таза, в культуре и языке которых в большой степени выражены архаичные черты, чем у тундровых ненцев [Хомич 1976: 132]. Отдельные группы самодийцев около рубежа н. э. проникают также на левобережье Нижнего Прииртышья, о чем свидетельствуют культурные слои с керамикой, орнаментированной «уточкой» на городище Ст. Погост Вагайского района [Могильников 1988: 247, 248], на поселениях на р. Алымка у д. Ачиры Тобольского района (сборы И. В. Белича). Однако, затем в лесной зоне Нижнего Приобья и Прииртышья к середине I тыс. н. э. возобладал угорский этнос, распространившийся также на Сургутское Приобье и оставивший здесь преобладающим и в последующее время. При этом большая близость орнаментальных композиций на керамике с памятников на р. Конде и в Сургутском Приобье [Федорова и др. 1991: 131 - 133, рис. 2], в частности на поселениях р. Салыма, указывает на тесную связь этих регионов и вероятную миграцию в IV - VI вв. угорского, древнехантыйского населения с р. Конды на Салым и в Сургутское Приобье, которая могла направляться с Иртыша вдоль р. Демьянки, а также идти обходным путем через Иртыш и Обь.

Лесостепь Тоболо-Иртышья в VI - V вв. н. э. была занята преимущественно лесостепными уграми, вошедшими затем в состав мадьяр. От них осталось городища, неукрепленные поселения и многочисленные курганы, относимые к саргатской культуре, получившей свое название от курганов, раскопанных у с. Саргатка в Омском Прииртышье. Распад проугорской общности, выделение из нее обских угров, предков хантов и манси, и лесостепных угров, предков мадьяр, произошел в конце эпохи бронзы

и был во многом обусловлен обособлением угров лесостепи в связи с развитием у них производящего хозяйства, главным образом скотоводство с преимущественным разведением лошадей, а также - вовлечением их в орбиту широких контактов с иранскими племенами саков Казахстана и Средней Азии. Саки внедрились в среду лесостепных угров и составляли там элитарный слой общества. В социально-экономическом отношении это смешанное угро-иранское население западносибирской лесостепи достигло высокого уровня развития и находилось на стадии военной демократии, создания союзов, подошло к рубежу становления раннего государства. В обществе выделились знать, основная масса рядового населения и зависимые лица, возможно, рабы. В курганах знати представлены дорогие импортные предметы - золотые украшения, бусы из драгоценных и полудрагоценных камней, остатки шелковых парчовых тканей, медные котлы и некоторые другие вещи среднеазиатского и даже китайского происхождения. Их поступления увеличиваются около рубежа н. э. в связи с активизацией торговли по Великому шелковому пути, связывавшему Китай со странами Европы и более широкому вовлечению населения лесостепного Тоболо-Иртышья в сферу южных контактов. Существовала караванная торговля со Средней Азией, о чем говорят находки костей верблюда на ряде саргатских городищ (Рафайлово в Исетском районе и др.) [Матвеева 1993: 116 - 118]. При этом видимо, большую роль играла посредническая торговля мехами, которые лесостепные угры получали от более северного лесного населения, в обмен на вещи южного происхождения. К таковым относятся два железных позолоченных шлема, бронзовые бляхи и китайские зеркала из Истяцкого клада в Вагайском районе, серебряный медальон с изображением Артемиды из того же клада [Чернецов 1953: 162 - 171, рис. 16,2, табл. XIX], и медальон с барельефным изображением парфянского царя Готарза (?), случайно обнаруженный в районе Ханты-Мансийска [Кинжалов 1959: 197 - 204], бронзовые зеркала из Нижнего Приобья, хранящиеся в Ханты-Мансийском музее [Чернецов 1953: 150, табл. XIII, XIV], бронзовые котлы, мечи сарматских форм, найденные на Северной Сосьве, и в Холмогорском кладе. Изображения таких мечей вырезаны на панцирной пластине из Усть-Полуйского городища в Салехарде [Чернецов 1953: рис. 2; Зыков 1993: 144, 145, рис. 1,1, 2,2-4; Мошинская 1965: табл. 14,1; 1953: 202, рис. 5; Чернецов 1953: 142, 143, табл. VII,1-3, IX7]. Наиболее северные памятники лесостепных угров саргатской культуры расположены в районе Тобольска. Это курганы на горе Потчеваш, Савинский, Тюковский, городища у д. Ивановки, Старый Погост Вагайского района [Мишинская 1953: 189 - 202, 217 - 220; Могильников 1988: 247, 248]. Возможно, они служили форпостами торговли с лесным населением - обскими уграми. За счет такой торговли и захвата военной добычи создавалось богатство саргатской знати. Объектом меновой торговли мог служить также скот, главным образом лошади. Курганы саргатской знати исследовались у дд. Сидоровка, Исаковка, Богдановка - в Омском Прииртышье, у с. Абатское на Ишиме, Красногорского - на Исети, Тютрино, Савиново - на Тоболе [Матющенко, Спирина 1988; Матвеева 1993: 10 - 40, 50 - 63; 1994: 12 - 100]. Наряду с некрополями знати, существовали курганы рядового населения с обычным бытовым инвентарем в виде глиняных сосудов, костяных и железных наконечников стрел и других предметов быта, а также - захоронения без инвентаря зависимого населения, возможно, рабов. В эпоху великого переселения народов, в III - IV вв., саргатская культура в связи с завоеваниями гуннов и вызванными ими миграциями прекратила существование. Часть угров лесостепи мигрировала на запад, явившись основой формирования марьяр, венгров, в Европе, часть погибла в борьбе, а северная часть смешалась с лесным обско-угорским этносом и вошла в состав формирующейся южной группы хантов, туринских и южноуральских манси.

Все вышеизложенные события касались истории предков обско-угорских и самодийских народов. Разделение обских угров на хантов и манси, выделение из самодийской общности и оформление селькупов, энцев, ненцев и др. приходится в основном на середину - вторую половину I тыс. - начало II тыс. н. э.

Около IV - VI вв. до н. э. общность обских угров делится на хантов и манси. Этот

процесс прослеживается на основании археологических источников и продолжается довольно длительное время, о чем можно говорить на основании своеобразия облика культур Урала эпох раннего железа и перехода к средневековью (иткутская, петрогром) [Бельтикова и др. 1991: 105 - 112]. Выделение предков манси из ареала обских угров фиксируется археологически оформлением в южной и средней части лесного Зауралья, в бассейнах Туры и верхней Тавды, молчановской культуры VI - IX вв., характеризуемой керамикой с орнаментацией в виде оттисков шнура и гребенчатого штампа вдоль венчика в отличие от посуды с оттисками гребенчатого и фигурных штампов свойственной оронтурской культуре древних хантов того же периода. Появление шнуровой орнаментации у выделившейся группы манси на Туре и Тавде связано, очевидно, с притоком мигрантов с Урала и Приуралья, где шнуровая орнаментация была известна еще в эпохи раннего железа [Могильников 1974]. При этом в состав юго-восточной группы манси было включено население кашинской культуры [Матвеева 1994: 140 - 142], восточная часть которого в Прииртышье, частично в среднем Прииртышье и Притоболье явилась составным компонентом формирования потчевашской культуры южной группы хантов. Дифференциация обских угров на хантов и манси относится Е. Коренци на основании лингвистических материалов также к IV в. до н. э. [1972: 40], что почти совпадает с датой, устанавливаемой по археологическим источникам.

Более северные и восточные районы Западной Сибири, по отношению к ареалу зауральских манси, - нижняя Тавда, низовья Тобола с Иртышом, Конда и С. Сосьва и Нижнее Приобье VI - IX вв. были заселены предками хантов. В пределах этого ареала в лесном Зауралье выделяется локальная группа, характеризуемая археологическими памятниками тынского типа VI - IX вв. на верхней и средней Тавде. Их своеобразие проявляется в наличии костяк, близких прикамским и представляющих, вероятно, могильники с захоронениями по обряду трупосожжения [Викторова 1969: 15, 16], что объясняется скорее всего связями населения этого региона с Прикамьем. В лесостепном и южнотаежном Прииртышье и Пришимье к северу до Тобольска в VI - IX вв. представлена потчевашская культура, в сложении которой участвовали три этнических компонента - северный, протохантыйский с гребенчато-фигурно-штамповой орнаментацией керамики, восточной, самодийский из среднего Приобья с керамикой сперановского (саровского) типа с орнаментацией штампом типа уточки и южный лесостепных угров, потомков населения саргатской культуры. В ходе их взаимодействия возобладал северный хантыйский компонент, а население потчевашской культуры приняло участие в сложении южной группы хантов усть-ишимской культуры X-XIII вв., основная территория располагалась по Иртышу между устьями рек Тары и Вагая. На рубеже I-II - в начале II тыс. происходит оформление трех основных территориальных групп хантов - северной, южной и восточной. Их своеобразие внутри интегрированного в культурном отношении хантыйского этноса во многом определилось экологией различных частей региона и составом этнических компонентов. Это выразилось, в частности, в курганском обряде погребения у южных хантов усть-ишимской культуры, при большом единстве в облике керамики, бронзового культового зооморфного литья и своеобразных глиняных антропоморфных фигурок [Могильников 1987: 202, карта 32, 33] с другими группами хантов.

В X - XIII вв. ареал манси в лесном Зауралье, характеризуемых памятниками юдинской культуры, несколько расширяется к северу и северо-востоку, занимает всю Тавду, сменяя там хантов. При этом на южной Тавде, по-видимому, проживало смешанное мансийско-хантыйское население. На Конде манси появились, вероятно, в конце XIII - XIV вв., когда южная часть мансийской территории по рекам. Нице и средней Туре была занята предками туринских татар, частично ассимилировавших живших здесь манси, частично оттеснивших их на север. На С. Сосьве манси появились, видимо, не ранее XIII - XIV вв. из более западных районов Урала и Печорского Предуралья, откуда они мигрировали на восток главным образом под давлением коми. До этого С. Сосьва и

Ляпин были заняты северной группой хантов, на что указывает материал с памятников кинтусовского типа X - XIII вв. из этого региона. [Чернецов 1957: 213, 214, табл. XXXIII - XXXIV]. Оказавшись на С. Сосьве, манси, при продолжавшемся притоке мансийского этноса из Приуралья, постепенно смешивались с проживавшими здесь хантами и ассимилировали их, что привело к сложению северной, сосьвинской группы манси. Различия в генезисе обусловили значительные отличия в языке северной группы манси от языка их южной и восточной групп более тесно связанных генетически.

В конце I - начале II тысячелетия происходит некоторое общее смещение ареала хантов на восток, а по отношению к нижней Оби на юго-восток в Среднее Приобье, на Васюган и в бассейн Ваха, где формируется группа восточных хантов. При этом приток хантов в Васюганье шел, по-видимому, в основном из Прииртышья. Керамика с хантыйских памятников этого региона (городища Тух-Эмтор IV, Остяцкий Бор и др.) почти аналогична керамике усть-ишимской культуры Прииртышья, а орнамент на пряслицах васюганских хантов во многом копирует орнамент глиняных и костяных пряслиц усть-ишимской культуры [Кирюшин 1976: табл. IX, X; Иванов 1963: 65, рис. 28]. В бассейн Ваха ханты могли попадать при движении на восток с левобережья Оби, из Васюганья, и со стороны Сургутского Приобья, которое с древности находилось в зоне постоянных контактов предков хантов и самодийцев. Продвижение хантов в Среднее Приобье, на Васюган и Вах, сопровождалось оттеснением отсюда селькупов на более северные и восточные территории правобережья Оби и частичным смешением остатков селькупов с хантами. Очевидно, такой многокомпонентностью объясняется наличие у восточных хантов не двух фратрий как у северных, а трех или более брачных групп [Лукина 1985: 21, 22]. При этом вполне вероятно, что тройственные экзогамные группы у восточных хантов являются более поздним образованием, в сравнении с группами-фратриями Пор и Мось у северных хантов, поскольку в целом территориальные группы южных и северных хантов сформировались раньше восточных. Вероятно, уже в первой половине II тысячелетия оттесненная хантами часть селькупов с Ваха переселяется в бассейн верховий Таза, что положило начало формированию группы тазовских селькупов, распространившихся затем далее на север.

Генезис самодийцев севера Западной Сибири, Ямала и междуречья Оби и Таза, во второй половине I - начале II тысячелетия н. э. остается почти неизученным. Исследование на Ямале поселения Тиутей-Сале, находка, городище Ярте VI, культовое место Храдседе у Находки, относящиеся к концу I - началу II тыс. и связанные скорее всего с предками легендарных сииртя [Чернецов 1957: 191 - 196; Лашук 1968: 181 - 189; Головнев, Зайцев 1992: 12, 13], северного компонента этногенеза ненцев, по облику материальной культуры, прежде всего керамики, близки синхронным памятникам хантов Нижнего Приобья. Это объясняется наличием общего древнего уральского этнического пласта, сходством экологической среды, культурно-хозяйственного типа охотников и рыболовов и длительными многовековыми соседскими контактами. Подобные памятники сииртя исследованы также в Большеземельской тундре, где они типологически представляют приполярный вариант памятников оронтурского типа или тиутейсалинскую культуру [Могиляников 1987: 205 - 207; Лашук 1968: 187, 188]. Основным занятием этого населения были охота и рыболовство. Большую роль играл промысел северного оленя. Оленеводства у них еще не было или было в ограниченном количестве. Распространяется оно в основном с приходом в районы тундры в конце I - начале II тыс. н. э. групп самодийцев с юга, в результате смешения которых с местным этносом в начале II тыс. сформировались ненцы. Продвижение на север самодийцев с юга связано с дифференциацией самодийской общности в III - V вв. и их последующими миграциями, обусловленными общей исторической ситуацией, сложившейся на юге Западной Сибири во второй половине I тысячелетия, в период экспансии государств тюркоязычных народов.

Распад самодийской общности к середине I тыс. связан с выделением из кулайской общности саровского этапа ряда дочерних культур, отражающих результаты этого распада.

В верхнем Приобье это фоминская культура I - III вв. и сформировавшаяся на ее основе единцовская IV - VIII вв. в Верхнем и Томском Приобье, представлявшие группы южных самодийцев, расселившихся до предгорий Алтая и Саян, где они вступили в контакт с тюркоязычным населением. К концу I - началу II тыс. эта группа южных самодийцев была в значительной степени тюркизирована и вошла в состав оформившихся затем ряда тюркоязычных этносов предгорий Саяно-Алтая - кумандинцев, телеутов, шорцев, хакасов, отчасти; тувинцев. Самодийский массив оказался разделенным на две части - основную - к северу от Верхнего Приобья и наибольшие группы южных самодийцев, которые были оттеснены в глухие горнотаежные районы Саяно-Алтая, где сохранили своеобразие своей культуры и самодийского языка до XVII - XVIII вв., что засвидетельствовано путешественниками и исследователями у маторов, камасинцев, карагасов, бельтитов и некоторых других малых народов этого региона. Генетически родственная последним часть южных самодийцев под давлением тюрков в конце I тыс. мигрировала через Среднее Приобье и Обь-Енисейское междуречье на север и составила южный суперстратный компонент этногенеза ненцев и энцев. Прослеживаемые исследователями черты близости антропологического типа ненцев и хакасов, особенно качинцев, а также ненцев носителей центрально-азиатского типа [Дремов 1984; Хомич 1976: 24, 25], объясняются присаяноалтайским происхождением южного компонента ненецкого этногенеза, который был общим как у ненцев, энцев, так и у хакасов и некоторых других теперь тюркоязычных народов Южной Сибири. Серологические материалы также указывают на генетическую связь ненцев с народами этого региона [Рычков 1966]. Присутствие южносамодийского компонента в этногенезе ненцев и энцев констатируется наличием у этих народов этнонимов южносамодийского происхождения [Васильев 1979: 30 - 32]. Об этом же говорят этнографические параллели в культуре ненцев (устройство чума и др.) и ряда народов Южной Сибири, прежде всего охотников и оленеводов горнотаежных районов Саян - тувинцев-тоджинцев, тофаларов и др. [Хомич 1976: 83, 84]. С продвижением на север южных групп самодийцев связано появление в начале II тыс. на поселениях севера Западной Сибири (Барсов Городок IV/I у Сургута, Лонг-Юган на Надыме) многоугольных жилищ, подобных известным на Саяно-Алтае со II - I вв. до н. э. и распространенных там у аборигенного населения до настоящего времени [Морозов 1986: 105; Мартынова 1970: 56 - 80, рис. 2].

В Среднем Приобье, метрополии самодийского этногенеза с эпохи ранней бронзы, население кулайской культуры составило основу этноса протоселькупской культуры VI - IX вв., ареал которой первоначально включал Васюган и Вах [Чиндина 1991: рис. 1]. Через кустовскую культуру X-XIII - XIV вв. она генетически связывается с культурой нарымских селькупов середины II тыс. Как уж сказано, ханты, мигрировавшие из Прииртышья и Сургутского Приобья, заняли Васюган и Вах, оттеснив оттуда селькупов на север и восток, что положило начало формирования в первой половине II тыс. группы северных, тазовских селькупов, окончательно сложившей в XVII в. за счет дополнительного переселения на р. Таз, а также на притоки Енисея Курейки и Турухан-тымских и караконских селькупов [Соколова 1980: 90].

Эпоха VI - IX вв. может быть названа героической в истории обских угров и самодийцев. В это время в основном завершается формирование современных народов Севера Западной Сибири - хантов, манси, селькупов, в т.ч. - ненцев. Эти процессы сопровождались рядом миграций, межэтнических и межобщинных столкновений, частичной сменой и смешением ареалов и процессами взаимоассимиляции. К этому времени, вероятно, восходят многие из былин остяцкого фольклора, повествующих о подвигах богатырей, их борьбе с самоедами, в т.ч. на р. Вах и ведущем на север, на Таз, его притоке Сабуне [Патканов 1891; 1892; 1900]. В это время из среды наиболее выдающихся воинов и родовой верхушки выделяется знать, которой принадлежали клады X - XIII вв. с находками импортных серебряных сосудов и украшений, обнаруженные в Нижнем Обь-Иртышье и в Сургутском Приобье. Усиление военной опасности в период миграций,

наступление тюрков с юга, а также начавшееся в начале II тыс. давление коми и русских способствовали консолидации и оформлению в X - XIII вв. остяцких и вогульских княжеств, известных позже по русским источникам XV - XVII вв. Примечательно, что большинство местонахождений упомянутых кладов X - XIII вв. приурочены к местам будущих остяцких и вогульских княжеств. Клады из района Салехарда связаны с Обдорским княжеством, в низовьях С. Сосьвы - с Ляпинским, на Оби от Ханты-Мансийска до Березова - с Кондским, из Нижнего Прииртышья - с Демьянским или Кондинским княжествами [Федорова 1984: 20, 21].

Социальной дифференциации общества способствовало также вовлечение Обь-Пртышья в X - XIII вв. в орбиту активных торговых контактов с тюрками, волжскими болгарами и начавшими проникать сюда с XI в. русскими.

Основными занятиями населения Нижнего Приобья были охота и рыболовство. В начале II тыс. в связи с развитием торгово-обменных связей возрастает роль пушного промысла. В Прииртышье у южных хантов и на Туре у манси занимались также скотоводством с преимущественным разделением лошадей, а также - в меньшей мере - крупного и мелкого рогатого скота. В небольшом размере скотоводство было также в Сургутском Приобье и несколько заходило вниз вдоль Оби от устья Иртыша. В Прииртышье и на Туре в ограниченных размерах существовало также земледелие, на что указывают находки серпов на Мурлинском городище потчевашской культуры в Тарском Прииртышье. Косвенно об этом говорят более поздние свидетельства, согласно которым Ермак взял ясак хлебом с туринских манси. Было также собственное железоделательное и бронзолитейное производство. Его следы открыты на ряде поселений конца I - начала II тыс., а целый комплекс металлургических горнов для выплавки железа исследован на городище Рачево на правом берегу Иртыша, близ с. Демьянского Уватского района. Там же встречены тигли, льячки и обломки литейных форм для изготовления украшений из бронзы [Зыков 1986]. Самые северные находки остатков металлургического производства в виде железных шлаков и сплавившегося от жара в стекловидную массу песка обнаружены на поселении и культовом месте Харде-седе у бухты Находка на юге Ямала [Лашук 1968: 187], а самая северная бронзолитейная мастерская по отливке украшений, подвесок, в т. ч. копирующих форму привозных славянских лунниц исследована в низовьях р. Таз. Здесь же производилась выплавка железа, на что указывают встреченные тут же железные шлаки [Хлобыстин, Овсянников 1973]. Для выплавки железа использовали местные болотные руды. Медь получали, очевидно, с Урала. Несмотря на широкое распространение металлургия обских угров по техническому уровню стояла ниже уровня развития аналогичных производств у славян, волжских болгар. Широкий приток импортных изделий в обмен на меха в первой половине II тыс. приводит к упадку собственной металлургии и металлообработки у обских угров и к исчезновению их в XV - XVI вв. Сохранилось лишь литье оловянных бляшек в форме, вырезанных из дерева и коры. Существовали также различные виды домашних производств - обработка кости, дерева, выделка шкур и мехов, пошив одежды, изготовление глиняной посуды. В связи с широким распространением медных котлов собственное гончарство у обских угров Нижнего Приобья исчезает в конце XIII - XIV вв. В Прииртышье и южнотаежной подзоне в целом были распространены также прядение и ткачество, на что указывают находки глиняных и костяных пряслиц на поселениях. На севере, в Нижнем Приобье эти виды ремесла были, по видимому, развиты очень слабо, а местами вероятно, отсутствовали. На это указывают редкость и отсутствие находок пряслиц на поселениях Нижнего Приобья.

Коми в Нижнем Приобье. В XI - XII вв. в Нижнее Приобье из Приуралья проникают коми. На нижней Оби им принадлежали два городища этого времени - у с. Шеркалы - XI - XII вв. и Перегребное - XII - середины XIII в. [Морозов, Пархимович 1985; Пархимович 1991]. Городища были укреплены земляными валами с деревянными стенами. На защищенной площадке исследованы остатки наземных срубных домов из

широких плах, настланных на лаги, с погребями и печами-каменками внутри. Подобные жилища были распространены у коми в Приуралье и не были свойственны обским уграм, основной постоянной жилой постройкой которых оставалась полуземлянка с земляным полом и открытым очагом или чувалом, появившимся в конце I - начале II тыс. На городищах найдены характерные для коми керамика и другие вещи, в т. ч. украшения - бронзовые шумящие подвески, пронизки с вздутиями, свойственные культурам коми-зырян и коми-пермяков XI - XIII вв., причем преобладали элементы культуры коми-зырян. Основным занятием жителей городищ были охота и рыболовство. При этом большое внимание уделялось пушному промыслу, добыче ценных видов пушнины - бобра, соболя, куницы, выдры, что предполагает использование мехов в качестве торгового эквивалента в обмен на привозные болгарские и русские изделия - железные топоры, ножи, украшения, серебряные сосуды и др. Более существенное значение, чем у обских угров, в хозяйстве коми имело скотоводство. Разводили лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, кости которых найдены на городищах. На этих же поселениях люди занимались железоделательным и бронзолитейным производством, на что указывают находки на городище Перегребное I шлаков, литейных форм, бракованных перстней, а также -полуфабрикатов в виде железных пластин и брусков.

Скорее всего эти поселения основаны коми, переселившимися с р. Вычегды на Нижнюю Обь по С. Сосьве. Возможно, были и другие поселения коми этого времени в Нижнем Приобье, остающиеся пока неизвестными. Оба городища Перегребное I и Шеркалы 1/2 погибли от пожара, который мог произойти в результате военного нападения. Часть первых пришельцев коми была ассимилирована хантами. В связи с этим интересна легенда хантов с. Б. Алтым на Оби, согласно которой их предки переселились на Обь из Перми во главе с сотником Памой [Теплоухов 1893: 49]. Это известие допускает неоднозначное толкование. С одной стороны, речь может идти о мигрировавших сюда коми, ассимилированных затем хантами и сохранившими в легенде память о своей прародине. Так считает С. Г. Пархимович [1991]. Но эта легенда могла сложиться и у потомков хантов, переселившихся в Нижнее Приобье из Приуралья под давлением коми. Проникновение коми за Урал и основание ими поселений происходило и в последующее время. В 1601 г. сургутские «служилые люди» обнаружили неизвестный до этого «зырянский городок» [Филатова 1994: 93]. Основным путем проникновения коми-зырян в Нижнее Приобье был бассейн р. С. Сосьвы. Коми-пермяки проникали из Верхнего Прикамья через Вишеру, на Лозьву, в верховья Тавды, в меньшей мере - через Чусовую в бассейн Туры. Исследованный на Лозьве Ликийский могильник манси XI - XIII вв. имел большое количество вещей родановской культуры коми-пермяков этого времени [Викторова 1973]. За Уралом коми стремились найти новые охотничьи угодья, а также - избавление от налогового гнета и насильственной христианизации, широко развернутой епископом Стефаном Пермским в конце XIV в. О давности проживания коми за Уралом свидетельствует коми топонимика. В Зауралье и в Нижнем Приобье выявлено более 100 коми топонимов, часть которых имеет ранее происхождение [Пархимович 1991: 146], восходящее к первой половине - середине II тыс. Из языка коми происходят названия, оканчивающиеся на -кар, что значит городок, -горт - дом, -дорт - место, -шер, -шор - ручей, -ва - вода и др. Это Войкар, Қарым-кар(ы), Нарыкар(ы), Шурышкар(ы), Мулигорт, Ямгорт, Обдорск, Пернашор, Шеркалы, Сосьва, Лозьва и др. В более позднее время, чем в Нижнее Приобье, коми попали в Прииртышье, а также на реки. Пур и Таз.

Формирование сибирских татар. Постоянное тюркоязычное население в таежной зоне Тюменского Прииртышья и Притоболья появилось в XIII в., в период татаро-монгольских завоеваний, когда проживавшее в лесостепи и степи Западной Сибири и Северного Казахстана тюркоязычные кочевники и полукочевники были частично сдвинуты в южнотаежную подзону. В состав этого населения входили племена кыпчаков и воспринявшее тюркский язык и частично смешавшиеся с тюрками угорское и самодийское население, проживающее ранее на севере лесостепи. В VIII - IX вв. оно в результате

смешения с продвинувшимися сюда с юга тюркоязычными кочевниками было тюркизировано. Проникновение на север в южнотаежную подзону тюркоязычного этноса уже включившегося в свой состав немногочисленные угорские и самодийские группы лесостепи происходило в основном вдоль рек - Иртыша, Ишима, Вагая и Тобола с последующим расселением по их притокам. Такой путь для скотоводов-тюрков был наиболее подходящим, поскольку тут находились луга, пригодные для выпаса скота летом и заготовки необходимого минимума корма на зиму. К тому тюркоязычные кочевники и ранее, очевидно, с VIII - IX вв., проникали на север в период летних сезонных перекочевков. Летом со стадами скота они двигались на летние пастбища, лежавшие на севере лесостепи и в широких долинах рек бассейна Иртыша, а на зиму уходили к югу в степь, где меньше выпадает снега, что создает возможности содержания скота зимой на подножном корму. Такие сезонные перекочевки способствовали знакомству с соседним более северным регионом и адаптации хозяйства к его условиям, что в свою очередь, создавало потенциальные возможности для его более глубокого освоения.

О присутствии тюркоязычного населения во второй половине VIII - IX вв. на севере лесостепи, у южной кромки таежной зоны Прииртышья, свидетельствуют два кургана, исследованные на Правобережье Иртыша у д. Айткулово Тарского района Омской области, в 20 км ниже устья Тары. Они содержали захоронения человека с конем, что было свойственно ритуалу погребения тюркоязычных кочевников. Однако до XIII в. далеко в глубь таежной зоны и вниз по Иртышу тюрки не продвигались в основном в силу специфики своего полукочевого и кочевого культурно-хозяйственного уклада. В южном Прииртышье и Приишимье в X - XIII вв. проживали древние ханты, оставившие памятники усть-ишимской культуры, предки новой группы хантов, а в лесном Притоболье и на Туре жили предки южной группы манси, о чем говорилось выше. Давление кыпчаков с юга и порой враждебные их отношения с хантами привели в IX - X вв. к сдвигу основной части южнохантыйского населения усть-ишимской культуры в более северные районы Омского и южной части Тюменского Прииртышья. Об этом свидетельствует локализация большинства памятников усть-ишимской в северной части Омской и на юге Тюменской области, между сс. Знаменское и Б. Карагай Вагайского района. В то же время для обеспечения безопасности в южной части лесного Прииртышья ханты покидают около X в. городища, располагавшиеся в низких местах, по соседству с лугами и поймами озер (Мурлинское, Атакское и др.), и переселяются на трудно доступные, покрытые тайгой, коренные высокие берега рек, порой отстоящие от русла на несколько км (городища Безымянные I, II, Усть-Тара и др.). Эти места для скотоводов-тюрков не представляли интереса, и они проходили мимо них по пойме.

В XIII в. под давлением татаро-монголов часть тюркоязычных кыпчаков и смешавшееся с ними тюркизированное угро-самодийское население севера лесостепи были вынуждены отступить в южнотаежную подзону Прииртышья, Приишимья до района Тобольска. В результате этого южные ханты усть-ишимской культуры и манси на Туре и Тоболе были частично отнесены на север - ханты - в Нижнее Прииртышье и на глухие таежные притоки правобережья Иртыша, манси - на Тавду и частично - Конду. Оставшиеся на прежних местах обитания группы южных хантов и туринских манси постепенно смешались с пришлыми тюрками-кыпчаками, восприняли их язык, часть культуры и были т.о. тюркизированы. В результате этого смешения сложилась народность сибирских татар. При этом процесс становления нового населения в районах вдоль долины Иртыша, на Туре и в Тюменском Притоболье совершился довольно быстро. Об этом говорит прекращение существования в XIII в. усть-ишимской и юдинской культур, которые почти не дают переходных форм к культуре сибирских татар. Более длительное время абorigенное обско-угорское население сохранялось в глухих таежных районах, таких как Зоболотье, Усть-Ишимский район, где оно тюркизировалось несколько позже. Повидимому, этим можно объяснить длительное сохранение на этих территориях у сибирских татар, легенд о савирах или сабирах, обитавших здесь до татар, а также устойчивость

пережитков доисламских верований, многие из которых отражают древние промысловые культы и связанные с ними культы духов-хозяев лесов, болот, озер и т.д. [Еремин 1972; Томилов 1987]. Антропологический материал также говорит, что предки хантов и манси, их южных групп, вошли в состав сибирских татар как этнический субстрат. Краниологически население усть-ишимской культуры X - XIII вв. наиболее близко тоболо-иртышским татарам. Аборигены тайги того времени составили основной компонент их физиологического облика. Однако, антропологический тип тоболо-иртышских татар отличается в деталях от антропологического типа современных хантов и манси, что объясняется длительными контактами южных тюркизированных групп древних хантов и манси с населением лесостепи [Богашев 1993: 136 - 140, 143]. Наличие угорского субстрата в составе тоболо-иртышских татар подтверждается также данными археологии, топонимики и ономастики. В состав подчевашской культуры VI - IX вв., на основе которой сформировалась усть-ишимская культура X - XIII вв. южной группы хантов, вошла часть лесостепного населения саргатской культуры эпохи раннего железа, этнос который преимущественно составляли древние мадьяры. Среди Тобольских татар есть фамилия Мадьяров, восходящая к древнему роду Марьяр. Род с таким названием есть у казахов, что объясняется присутствием южно-угорских этногенетических корней; общих у сибирских татар и казахов, уходящих к населению лесостепи Западной Сибири VI - V вв. н. э. - IV - V вв. н. э. Тюркский пласт топонимов бассейна р. Вагай сформировался на базе топонимии обских угров [Храмова 1985: 14 - 16].

В результате татаро-монгольских завоеваний лесостепь и степь Западной Сибири до Прииртышья в середине XIII в. вошли в состав Золотой Орды. Население южнотаежной подзоны попало, скорее всего в данническую зависимость. Развитие процесса феодализации привело в XIV в. к распаду Золотой Орды на ряд усюлов. Среди этих вновь возникших независимых и полунезависимых государств были государства сибирских татар - Тюменское, а затем и Сибирское ханства. Однако, рассмотрение их истории и происходивших там этнических процессов лежит вне рамок данной статьи.

В XI - XII вв. в Нижнее Приобье, в Юргу, начинают проникать русские, прежде всего новгородцы. История их отношений с населением Зауралья до присоединения Сибири к России также является темой особого исследования [Могильников 1991: 77 - 89, рис. 3, 4, 7].

- Абрамова М. Б., Стефанов В. И. 1985. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск.
- Багашев А. Н. 1993. Этническая антропология тоболо-иртышских татар. Новосибирск.
- Беккер Э. Г. 1970. О некоторых параллелях в гидронимии Европейского Севера // Языки и топонимия Сибири. Томск.
- Бельтикова Г. В. 1977. Иткульские поселения // ВАУ. Вып. 14.
- Бельтикова Г. В., Борзунов В. А., Корякова Л. Н. 1991. Некоторые проблемы археологии раннего железного века Зауралья и Западной Сибири // ВАУ. Вып. 20.
- Борзунов В. А. 1992. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург.
- Бубрих Д. В. 1948. К вопросу об отношениях между самодийскими и финноугорскими языками // Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и языка. М. Т. VII. Вып.6.
- Васильев Е. А. 1982. Северо-таежное Приобье в эпоху поздней бронзы (хронология и культурная принадлежность памятников) // Археология и этнография Приобья. Томск.
- Васильев В. А. 1989. Энеолит и ранний бронзовый век Средне-и Северотаежного Приобья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Васильев В. И. 1979. Проблемы формирования северо-самодийских народностей М.

Археологические исследования

- Викторова В. Д. 1969. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск.
- Викторова В. Д. 1973. Ликийский могильник X - XIII вв. // ВАУ. Вып. 12.
- Глушков И. Г. 1994. Культурно-хронологическая колонка памятников неолита и бронзового века Чилимского микрорайона // Археологические микрорайоны Западной Сибири Тез. докл. Всерос. науч. конф. 22-24 ноября 1994 г. Омск.
- Головнев А. В., Зайцев Г. С. 1992. История Ямала. Тобольск - Яр-Сале.
- Дремов В. А. 1984. Расовая дифференциация угорских и самодийских групп Западной Сибири по данным краниологии // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. Л.
- Дульзон А. П. 1956. Археологические памятники Томской области // Тр. ТОКМ. Томск, - Т.V.
- Дульзон А. П. 1959. Кетские топонимы Западной Сибири // Учен. зап. ТГПИ. Томск. Т. XVIII.
- Дульзон А. П. 1961. Дорусское население Западной Сибири // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- Еремин Г. И. 1972. Доисламские верования «заболотных татар» Западной Сибири. К вопросу об этногенезе // Вопросы истории СССР. М.
- Зыков А. П. 1986. Металлургия и металлообработка на памятниках Рачевского комплекса // ВАУ. Вып. 18.
- Зыков А. П. 1993. Железные кинжалы Северо-Западной Сибири // Знания и навыки уральского населения в древности и в средневековье. Екатеринбург.
- Иванов С. В. 1963. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.; Л.
- Кинжалов Р. В. 1959. Серебряная пластина с изображением парфянского царя // СА. №2.
- Кирюшин Ю. Ф. 1976. Поселение Тух-Эмтор IV - памятник Васюганского Приобья // Из истории Сибири. Томск. Вып. 19.
- Ковалева В. Т., Чаиркина Н. М. 1991. Этнокультурные и этногенетические процессы в Среднем Зауралье в конце каменного - начале бронзового века: итоги и проблемы исследования // ВАУ. №20.
- Косарев М. Ф. 1987. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзового века к железнному // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М.
- Косарев М. Ф. 1991. Древняя история Западной Сибири, Человек и природная среда. М.
- Косинцев П. А. 1994. Промысловая деятельность древнего населения Сургутского Приобья // Сургут, Сибирь, Россия. Международный. научн.-практ. конф., посвящ. 400-летию г. Сургута. Тез. докл. Екатеринбург.
- Лашук Л. П. 1968. «Сиртя» - древние обитатели Субарктики // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.
- Лашук Л. П., Хлобыстин Л. П. 1986. Север Западной Сибири в эпоху бронзы // КСИА. Вып. 185.
- Лукина Н. В. 1985. Исторические формы и преемственность в традиционной культуре восточных хантов. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.
- Мартынова Г. С. 1970. Михайловское поселение по результатам раскопок 1967 г. // ИЛАИ. Кемерово. Вып. 2.
- Матвеева Н. П. 1993. Саргатская культура на среднем Тоболе. Новосибирск.
- Матвеева Н. П. 1994. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск.
- Матюшин Г. Н. 1985. Каменный век Южного Урала, Предуралья. Проблема становления производящего хозяйства. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.
- Матюшенко В. И., Спирина И. В. 1988. Древние сокровища Сибири. Каталог выставки. Омск.
- Могильников В. А. 1974. К вопросу о дифференциации этнической общности обских угров в I тысячелетии н. э. // СА. №2.

- Могильников В. А. 1987. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М.
- Могильников В. А. 1988. Работы Алтайской экспедиции // АО 1986 г. М.
- Могильников В. А. 1991. Контакты населения лесной полосы Приуралья и Западной Сибири в конце I - начале II тысячелетия // Проблемы археологии Евразии. М.
- Морозов В. М. 1986. Средневековые поселения и постройки Сургутского и Нижнего Приобья // ВАУ. Вып.18.
- Морозов В. М., Пархимович С. Г. 1985. Городище Перегребное I (к вопросу о проникновении приуральского населения в Западную Сибирь в начале II тысячелетия н. э.) // Западная Сибирь в древности и в средневековье. Тюмень.
- Мошинская В. И. 1953. Городище и курганы Потчеваш (к вопросу о потчевашской культуре) // МИА. №35.
- Мошинская В. И. 1965. Археологические памятники Севера Западной Сибири // САИ. Вып. ДЗ-8. М.
- Окладников А. П., Молодин В. И. 1983. Палеолит Барабы // Палеолит Сибири. Новосибирск: Наука.
- Пархимович С. Г. 1991. О контактах населения Нижнего Приобья и северного Приуралья в начале II тысячелетия н. э. // ВАУ. Вып. 20.
- Патканов С. К. 1891. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб.
- Патканов С. К. 1892. Остяцкая былина про богатырей города Эмдера // Живая старина. СПб. Вып. II.
- Петрин В. Т. 1986. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины // Новосибирск.
- Петров А. И. 1986. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово.
- Расторопов А. В. 1985. Исследования в Кондинском районе Тюменской области // АО 1983 г. М.
- Рычков Ю. Г. 1966. Особенности серологической дифференциации народов Сибири // Вопросы антропологии. Вып. 21.
- Симченко Ю. Б. 1976. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М.
- Соколова З. П. 1980. К проблеме этногенеза обских угров и селькупов // Этногенез народов Севера.
- Старков В. Ф. 1980. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.
- Старков В. Ф., Сериков Ю. Б. 1989. Мезолит Среднего Зауралья и Западной Сибири // Мезолит СССР. Археология СССР. М.
- Теплоухов Ф. А. 1893. Древности Пермской Чуди в виде баснословных людей и животных // Пермский край. Пермь.
- Томилов Н. А. 1987. Проблемы реконструкции этнической истории населения юга Западной Сибири. Учебное пособие. Омск.
- Троицкая Т. Н. 1968. Поселение VII - VI вв. до н. э. у с. Завьялово Новосибирской области // КСИА. Вып. 114.
- Федорова Н. В. 1984. Западная Сибирь и страны средневекового Востока по археологическим данным (X-XIII вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Федорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М. 1991. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Вып. 20.
- Филатова Н. В. 1994. Освоение коми районов восточного Зауралья // Этнографическое обозрение. №5.
- Хлобыстин Л. П., Овсянников О. В. 1973. Древняя «ювелирная» мастерская в западно-сибирском Заполярье // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.
- Хомич Л. В. 1976. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л.
- Храмова Н. В. 1985. Топонимия бассейна р. Вагай. Автореф. дис. ... канд. ист. наук.

Археологические исследования

- Свердловск.
- Чалая Л. А. 1972. Озерные стоянки Павлодарской области. Пеньки 1, 2 // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата.
- Чернецов В. Н. 1953. Бронза усть-полуйского времени // МИА. №35.
- Чернецов В. Н. 1953. Усть-полуйское время в Приобье // МИА. №35.
- Чернецов В. Н. 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. №58.
- Чернецов В. Н. 1968. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии М.
- Чернецов В. Н. 1969. Опыт выделения этнокультурных ареалов в северо-восточной Европе и Северной Азии // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск.
- Чиндина Л. А. 1991. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). Томск.
- Korenchy Eva. 1972. Jranische Zehnuorter in den Obugrischen Sprachen. Budapest.
- Patkanov S. 1900. Die Irtisch-Ostjaken und ihre Volkspoesie. St. Petersburg.